

МЕДЛЕННАЯ ПОПРАВКА ЕКАТЕРИНЫ ПОСЛЕ ДОЛГОГО НЕДУГА СИМВОЛИЧНО СОВПАЛА С ЕЕ ДЕВЯТНАДЦАТЫМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ

Фике тихо и скромно отметила свой праздник, приходившийся на 21 апреля 1748-го. Ей даже не захотелось появляться на людях: красавица еле держалась на ногах, часто кашляла, да и предательские пятна, щедро нарисованные корью, не исчезли пока с лица и ладоней. Великая княгиня вообще с трудом верила, что дожила до подобной даты. Ведь до последнего мгновения она ощущала себя большим ребенком, думая, что и окружающие воспринимают ее именно в таком качестве. Но... солнечным апрельским утром Катя внезапно проснулась взрослой дамой. Шутка ли: двадцатый год...

Не снилась слава мне за подвиги войны...

ЧЕРТОГ ГОРИТ В ЛУЧАХ...

На улице стояла уже теплая, цветущая весна. Государыня Елизавета Петровна, словно позабыв об австрийских бранях, наслаждалась покоем в Царском Селе и, узнав об относительном выздоровлении Фике, тотчас позвала ее отдохнуть и окрепнуть среди зелени тенистых аллей. Императорская дача произвела на юных супругов неизгладимое впечатление, хотя знаменитый впоследствии дворец только-только отрывался от земли. Его строили и перестраивали, ломая на завтра все то, что вдохновенно возводили сегодня. С бедного Саввы Чевакинско-го скатился, вероятно, седьмой пот, пока он поставил в сем деле жирную точку. А затем эстафету передали Франческо Растрелли.

Катя шутила, что созидательная горячка в Царскосельском парке напоминает чем-то работу легендарной Пенелопы, которая годами всматривалась в туманные морские дали: не спешит ли домой ее без вести пропавший Одиссей. Уступая назойливому «женихам», горемычная хозяйка Итаки обещала им выбрать суженого после того, как соткет достойный саван для своего усопшего свекра Лаэрта. Но поскольку никто из соискателей не пришелся ей по душе, величая островитянку хитроумницей как истинная женщина и истая госпожа — ночью распускала шерстяную пряжу, кою усердно ткала при свете дня. С зарей же сызнова вершила свой невеселый, томительный труд...

Резиденция у парковых прудов повторила, пожалуй, судьбу воспетого Гомером скорбного полотна. Шесть раз кряду готовый уже, казалось бы, дворец — обожаемая монархиня топала в гневе точеными ножками! — рушили до основания и ладили более совершенным, более искусным образом. В окончательном виде он предстал перед голубокровкой заказчицей и ее гостями лишь в июле 1756-го, когда торжественно освятили храм Светоносного Воскресения Христова. О затраченных же деньгах и упоминать неловко. Уцелели

«Мерцает по стене заката отблеск рдяный...» Дворец Шёнбрунн в Вене — летняя резиденция австрийских Габсбургов. Старинное изображение.

счета на миллион шестьсот тысяч рублей, но Елизавета выдавала немалую наличность и из собственного кармана, причём эти добавочные суммы не учитывались ни в какой бумажной статистике.

ОТ РУБЕЖА СТРЕМЛЮСЬ Я К РУБИКОНУ...

Фике и Петр прожили в Царском одиннадцать дней. Катя, как всегда, не теряла времени даром: она многократно выезжала в лес, охотясь на пернатых, которых потом раскладывали в ее походной повозке. Прогулки и свежий воздух облегчили старания придворных врачей: Екатерина возвращалась в столицу отдохнувшей и практически здоровой. А фрейлины шептали ей о последних событиях где-то за кордоном, далеко на Западе. Было очевидно: Россия не хотела проходить мимо гремевших там боев и сражений. Да и зачем: ведь недавняя — в начале 1740-х — брань со шведами показала резко возросшую мощь Русской державы. Если Северная война, которую вел с Карлом XII Петр Алексеевич, продолжалась 21 год, то «стычка», каковую довелось по очереди вести с королем Фредриком Анне Леопольдовне и Елизавете Петровне, длилась около двух лет. Победа над тем же самым противником была достигнута в десять с лишним раз быстрее, чем на заре XVIII века. И

ныне Россию волновали эпические сечи в Центральной Европе: преодолев свои пограничные рубежи, страна переходила Рубикон большой мировой политики...

Конечно, солидные континентальные игроки — прежде всего французы и пруссаки — ловко воспользовались той отсрочкой, которую предоставил им конфликт русских со «свеями». Кроме того, дочь Петра не сразу решила пособить своей царственной сестрице — австрийской кайзерин Марии Терезии. Достаточно вспомнить, что внешнезападное задержание свергнутой Анны Леопольдовны и всего Брауншвейгского семейства в Риге, на путях к обещанной бедолагам свободной эмиграции, произошло не без дипломатических происков Фридриха II Прусского. Он советовал Елизавете ни в коем случае не выпускать австрофильскую чету Романовых-Брауншвейгов за пределы России, спрятав их где-нибудь поглубже в делях бескрайнего, заснеженного Отечества. Сработало: схоронили в Приполярье, под Холмогорами...

А приезд самой Софии Фредерики вместе с матерью Иоганной Элизой в Москву по весне 1744-го — это ли не плоды марьяжных хлопот все того же Фридриха Гогенцоллерна? И разве мудрая государыня не приняла сего очаровательного презентка? Презрела на том основании, что не возьмет ничего из рук агрессивных соседей? Ой нет, взяла да и неплохо пристроила королевский живой подарок, выдав Фике, названную Екатериной, за своего родимого племянничка — наследника русского престола. Занятно, но факт: Катя поселилась в Москве буквально за пять месяцев до того, как в кремлевской Грановитой палате отпраздновали первую годовщину победного мира со Швецией.

На церемонии были возвышены некоторые выдающиеся личности. Так, генерал-фельдмаршала Петра Ласси удостоили драгоценной шпаги с бриллиантами, а Алексея Бестужева-Рюмина — звания великого канцлера. Еще двух небезызвестных персон — лейб-медика Армана Лестока и генерал-аншефа Александра Румянцева — возвели в графское достоинство. Однако... Румянцева стал аристократом от щедрот русской монархини, а Лесток —

«Мы жили все и легче, и смелей...» Петр I в иноземном наряде перед матерью Натальей Кирилловной, новым патриархом Адрианом и учителем Никитой Зотовым. Художник Николай Неврев. 1903 год.

по милости сомнительного австрийского кайзера Карла VII Виттельсбаха, даже коронованного не в Вене, а во Франкфурте-на-Майне — усилиями галантного парижанина Людовика XV. Само собой, в ущерб благородному дому Габсбургов.

Добрейшая Елизавета Петровна не побрезговала и этой дипломатической связью, не пеняя любимому хирургу-французу (втайне очень довольному сим титулом) за столь экстравагантное поощрение. Спустя неделю государев двор — невзирая на все европейские драки — отправился в неторопливый развлекательный вояж по Малороссии. Ну, а теперь императрица выбрала свой фронтной окоп: определившись с внешними симпатиями и антипатиями, она отрядила к берегам Рейна 30-тысячный пехотный корпус князя Василия Репнина. На подмогу страждущей кайзерин Марии Терезии!

К НИМ ТАК И ТЯНЕТ ВЗОР МОЙ ЖАДНЫЙ...

На сердце вернувшейся в Петербург Екатерины скребли кошки: в некогда родной ей Европе творилось что-то невообразимое. Трудно было предвидеть, как это может отразиться на борьбе русских придворных группировок, на положении самой Фике. И в голове опять мелькнули блики далекого прошлого — поры, когда замешивалось и заквашивалось тесто сегодняшнего сдобного пирога.

...Контакты с обитателями Немецкой слободы не проходили для юного Петра понапрасну. Он познакомился там не только с голландскими мастерами-умельцами вроде Карстена Бранта и Франца Тиммермана, но и с военными интеллектуалами типа шотландца Патрика Гордона и особенно швейцарца Франца Лефорта. Сей женецкий выходец изыскался на голландском, немецком, французском, итальянском и английском языках. Он отменно фехтовал, стрелял «в десятку», а гарцуя в поле, не страшился запрыгивать на диких, неоседланных лошадей. Лефорт мгновенно сошелся с царем и даже свел его с оборотительной иноземной чаровницей — фрейлейн Анной Монс.

Удивляться ли тому, что через месяц по смерти ксенофобного патриарха Иоакима молодой повелитель затребовал у портных платье западного покроя — камзол, чулки, башмаки, парик и шпагу на отороченной золотом перевязи. Но хвастал таким костюмом пока в меру — при наездах в Немецкую слободу. В маленькую Европу, усмехнулась Екатерина...

«Отечество нам — Царское Село...» Вид Царскосельского парка. XVIII век.

